ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Л.УЛИЦКОЙ «СОНЕЧКА)

PROBLEMS OF TRANSLATING LITERARY TEXT (USING THE EXAMPLE OF L. ULITSKAYA'S STORY "SONYA")

CZU: 81`25:821.161.1.03=135.1 **https://doi.org/10.59295/spd2025u.30**

Люба ПРОКОПИЙ
ORCID: 0009-0004-1531-8545
E-mail: procopiiliuba7@gmail.com
Молдавский государственный университет, Кишинёв, Республика Молдова

Summary*. Translation of fiction is one of the most difficult tasks of modern translation studies. Especially when languages of different origin, structure, syntactic structure, and semantics are compared. This article discusses the translation of the story of the modern Russian writer Lyudmila Ulitskaya "Sonechka" into Romanian, the problems that arise and the translator's successes.*

Keywords*: translation, translation studies, original, equivalence, adequacy, syntactic structure, language structure.*

ВВЕДЕНИЕ

Перевод, как вид человеческой деятельности, существует на протяжении тысячелетий. Начало было положено еще в те времена, когда древний единый язык начал распадаться на множество отдельных языковых систем. В связи с этим возникает потребность в людях, которые владели бы несколькими языками, выполняя роль посредников в межъязыковом общении. Однако исследования, посвященные переводу как особой речевой деятельности, начали формироваться в самостоятельную лингвистическую дисциплину лишь во второй половине XX века. Таким образом, несмотря на древность и сложность переводческой деятельности, ее теория является сравнительно молодой.

По мнению многих ученых, занимающихся переводоведением, перевод — это многоуровневый процесс, включающий в себя лингвистическую, культурную и даже философскую рефлексию, что делает его одной из самых сложных и многогранных дисциплин в современном языкознании.

Определение перевода позволяет также понять образ и роль самого переводчика, ведь в этом многоуровневом процессе переводчик выходит далеко за рамки простого посредника между двумя языками. Он выступает как интерпретатор, культурный медиатор и даже творец.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ

Одним из ключевых понятий, разработанных в рамках лингвистической теории перевода, стало понятие ***эквивалентности.*** В 1965 году английский лингвист Дж. Кэтфорд назвал перевод заменой текстовых единиц одного языка эквивалентными единицами другого языка. По его мнению, раскрытие сути «эквивалентности» является центральной проблемой перевода. В отличие от Кэтфорда, В.Н. Комиссаров акцентирует внимание на многообразии видов и аспектов эквивалентности и выделяет несколько уровней эквивалентности, таких как: цели коммуникации, описание ситуации, способы описания ситуации, значения синтаксических структур и словесные знаки [1, с. 59]. Комиссаров считает, что обязательным условием эквивалентности является сохранение доминантной функции высказывания, и поэтому цель коммуникации играет ведущую роль в установлении эквивалентных отношений.

Комиссаров также вводит термин ***адекватность***. По его мнению, «адекватный перевод» является более широким понятием, фактически синонимом «хорошего» перевода [1, с. 63]. Несмотря на распространенность термина «адекватность» в переводоведческой литературе, лингвисты часто придают ему разные значения и нередко смешивают с понятием «эквивалентности».

Особенно важно различать эти понятия при художественном переводе, который является одним из самых сложных и многоаспектных, так как его главной целью является передача не только смысловой, но и эстетической ценности оригинального текста. В деловом или научном переводе основным критерием успеха является точная передача информации, в художественном переводе же важно сохранять эмоциональную насыщенность, стилистическую специфику и культурные особенности оригинала.

Художественный перевод, по удачному высказыванию Т.А. Казаковой – это «естественный сплав науки и искусства» [2, с. 5].

Сложность заключается в том, что каждое слово обладает не только словарным значением общим для всех, но и коннотативным, отражающим **характер восприятия** говорящими содержащейся в слове информации.

С.Б. Велединская выделяет три основные составляющие коннотативного значения слова: *эмоциональный, образный и стилистический компоненты* [3, с. 105-106].

Итак, «переводчик создает не столько эквивалент оригинала, сколько его подобие, особый вид текста, призванный представлять исходное художественное произведение в иноязычной культуре, обеспечивая тем самым дополнительную аудиторию сходному тексту, а также развитие межкультурной художественной коммуникации в соответствии с требованиями вынесения, характером литературных процессов и потребностями получателей, как владеющих, так и не владеющих исходным языком» [2, с. 7].

Таким образом, выбор лексического эквивалента в переводе — это не простое замещение одного слова другим, а результат комплексного анализа контекста,

стилистических и эмоциональных аспектов, что подтверждает необходимость глубокого понимания оригинального текста на всех уровнях для адекватной передачи информации в переводе.

ОБСУЖДЕНИЕ ТЕМЫ

Обратимся к практической части нашего исследования, в которой будет рассматриваться перевод повести «Сонечка» Л.Улицкой.

Людмила Улицкая – русская писательница, переводчица и сценарист, родилась 21 февраля 1943 года в Давлеканово, Башкирская АССР. Она известна своими романами, рассказами и книгами для детей, которые переведены на многие языки мира. Улицкая, по образованию биолог-генетик, начала свою литературную карьеру в конце 1980-х годов. Её творчество часто характеризуется как реалистичное, с психологическим и социальным уклоном.

Её называют одним из самых читаемых писателей современности, её книги переведены почти на 30 языков мира, в её активе множество отечественных и международных литературных премий, а библиография насчитывает больше двух десятков книг.

Л.Улицкая входит в «когорту» т.н. современной критикой «женской прозы», в которую постепенно попадает творчество всех женщин-прозаиков, известных с начала 1990-х, поэтому часто в одном ряду рассматриваются Татьяна Толстая, Людмила Петрушевская, Виктория Токарева, Нина Садур, Людмила Улицкая и др. Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация: современное литературоведение признает существование женской прозы, однако при этом не определилось её место на карте современной литературы. [4, с. 102-108]

Несмотря на то, что природа творчества Л.Улицкой в полной мере отражает специфику «женского творчества» как особой писательской практики, включающей в себя особый набор категориальных черт, таких как автобиографичность, телесность, установка на женский субъективный опыт, иррациональность (мистицизм), творчество писательницы представляет собою самобытную художественную систему, нуждающуюся в отдельном исследовании.

Тема семьи является главным в творчестве Людмилы Улицкой – «Природа ее произведений такова, – пишет М.Золотоносов, – что все в них постоянно колеблется между семейным и женским романом современной поп-культуры, в которой выражены «женские мечты» и даются перечни типовых обид и желаний. Улицкая адаптирует классическую романную прозу к современным привычкам «легкого потребления» переводит ее на язык сегодняшней культуры» [5]. Некоторые литературоведы называют прозу Улицкой, «прозой нюансов», выделяя малейшие проявления человеческой природы, особую теплоту и искренность.

Улицкая, возможно и из-за своего пристрастия к наукам, всегда была внимательна к деталям. Отображая поступки своих героев, она довольно правдоподобно описывала тонкости человеческой природы. Это, в свою очередь, создаёт

специфическую атмосферу, которая затрагивает душу. Писательница признаётся, что «проживает» свои произведения, импровизируя на ходу [6].

Повесть **Людмилы Улицкой *«Сонечка»*** рассказывает о скромной и мечтательной библиотекарше, которая всю жизнь живёт книгами. Она неожиданно выходит замуж за художника Роберта, испытывает любовь, боль и разочарование, но остаётся преданной своей семье. Это история о женской жертвенности, силе духа и красоте тихой, незаметной жизни. Уже самим заглавием автор затевает своеобразную игру с читателем, активизируя его культурную память и отсылая к носящим то же имя героиням русской литературы XIX века, при этом важно не столько тождество имен, сколько то, что составляет основу характера всех героинь. Сонечка Улицкой так же готова жертвовать собой и самоотверженно любить близких, как героини Ф.М. Достоевского («Преступление и наказание»), Л.Н. Толстого («Война и мир»), А.П. Чехова («Дядя Ваня»), М.Цветаевой («Повесть о Сонечке»), Т.Толстой («Соня») [7].

Такая позиция героини не игра в благородство и не отчаянная глупость, это своеобразная женская мудрость (София с греческого и переводится как «мудрость»), которая не дает окружающим повода для сплетен и злословия. Более того, Сонечка-София как раз и становится воплощением «Премудрости Божией», «Души Мира» в том смысле, какой вкладывал в эти понятия Владимир Соловьев. Напомним, что в его учении София – это особого рода энергия, посредник между безусловным единством Божества и реальным миром, объединяющее и гармонизирующее начало. Как женская индивидуальность София приближается к образу Девы Марии. В поэтической практике Владимира Соловьева определяющими становятся мотивы ожидания Ее пришествия; своим появлением Она способствует пробуждению души и сердца лирического героя [7].

В то же время в паре Сонечка – Яся можно найти и библейскую параллель – Лия и Рахиль, две сестры, ставшие женами одному человеку. Первая (Лия) – по прихоти отца, заменившего во время свадьбы младшую Рахиль старшею дочерью; вторая (Рахиль) – по желанию и необоримому влечению к ней самого Иакова. Библейские имена появляются и в тексте повести в устах художника Тимлера, причем акценты смещены в сторону Лии – Сонечки (по библейской легенде Лия менее красива, чем ее сестра): «*Красиво как... Лия и Рахиль... Никогда не знал, как красива бывает Лия...*». Параллель Иаков – Лия –Рахиль прослеживается и на уровне отношений, которые возникают внутри треугольника Роберт Викторович – Сонечка – Яся. После женитьбы на желанной ему Рахили Иаков не оставляет Лию, все вместе они покидают землю отца их Лавана.

И не случайно повесть заканчивается аллюзией на произведения классической русской литературы: «*Вечерами, надев на грушевидный нос легкие швейцарские очки, она уходит с головой в сладкие глубины, в темные аллеи, в вешние воды*», что наталкивает искушенного читателя на мысль о важности пережитого Сонечкой в жизни события – любви, по-бунински молниеносной, по-тургеневски

сильной и стихийной, но оставившей глубокий след в душе героини и осветившей всю ее дальнейшую жизнь. Отметим, что писательнице удается при выстраивании сложной системы интертекстуальных связей сохранить слог легким, прозрачным. Язык лаконичен, лишен длинных и тяжеловесных синтаксических конструкций, в меру ироничен. Повествование ведется неспешно, писательница то и дело из потока жизни «извлекает» подробности и детали, при этом именно в бытовом и мерцает бытийное.

На румынский язык повесть была переведена известным литератором и переводчиком Габриэллой Руссо и впервые опубликована в 2004 г. издательством «Humanitas», после чего была несколько раз переиздана.

Сразу же отметим добротность перевода, внимание к замыслу автора и деталям. Стремление автора внести подтекст в повествование, говорить аллюзиями, намеками, напоминаниями о каких-то исторических событиях – всё это находит отклик в переводе. Более того, Г.Руссо вносит свои пояснения, когда речь идет о тех, которые могут быть непонятны румыноговорящему читателю, так, например, приводится объяснение слова НЭП – новая экономическая политика 20-х годов прошлого столетия.

Особо хочется оценить работу с синтаксисом текста. Так, например, одно длинное сложноподчиненное предложение Г.Руссо очень удачно, по нашему мнению, раздробила на несколько простых предложений, это помогло подчеркнуть эмоциональность и как бы недоумение автора по поводу поступков героини: *Что это было – полное непонимание игры, заложенной в любом художестве, умопомрачительная доверчивость невыросшего ребенка, отсутствие воображения, приводящее к разрушению границы между вымышленным и реальным, или, напротив, столь самозабвенный уход в область фантастического, что все, остающееся вне его пределов, теряло смысл и содержание? - Ce să fi însemnat asta? O totală neînţelegere a jocului aflat la temelia oricărei arte? O uluitoare credulitate de copil? O lipsă de imaginaţie care şterge graniţa dintre ficţiune şi realitate sau, dimpotrivă, o izolare în imaginar până la uitarea de sine, astfel că tot ce rămânea în afara lui îşi pierdea sensul şi conţinutul?…*

Старательно переводятся ***сравнения***, сохраняя даже свойственную Улицкой иронию: *Она впадала в чтение <u>как в обморок</u> – Era cuprinsă de lectură cum eşti <u>cuprins de un leşin</u>; <u>аскетические</u> шкафы раздела современной литературы - rafturile <u>austere</u> din sectorul cu literatură contemporană*; ***метафоры:*** *<u>Выдыхался</u> нэп. - NEP-ul1 <u>îşi dădea sufletul</u>; вверх по холодной лестнице, <u>отбиравшей и малое тепло от всяких ног</u>, ее касающихся - pe scara rece care <u>fura şi picul de căldură al fiecărui picior</u> ce o atingea..*

Но, справедливости ради, скажем, что не все метафоры переведены удачно: *«И даже колорит: <u>смуглое</u>, печально-умбристое и розоватое, теплое…» - „Până şi culorile: <u>negru</u>, pământ de Siena trist şi roz palid cald…"(смуглое* – не переводится как *negru* «черный», обычно так говорят о цвете лица, более уместными были бы

слова *smead, tucuriu, oacheș, smolit, negricios,* но не то, которое было использовано); *В черном прожженном ватнике, с серым полотенцем вокруг кадыкастой шеи - În cunoscuta pufoaică neagră, cu un prosop cenuşiu în jurul gâtului său cu mărul lui Adam proeminent (прожженный ватник* – старый, видавший виды, в котором согреваются в лютый холод или сушат у костра, в румынском варианте это слово пропущено, случайно либо по неведению?).

В повести очень много интертекстуальных аллюзий, относящие читателя то к мифологии (*Кибела*), то к библейским мотивам (*Лия, Рахиль, Иаков*), то, чаще всего к русской классической литературе (*Достоевский, Тургенев, Лесков, Пушкин, Бунин*). Они передаются точно, дословно, с пониманием важности этих реминисценций для сути образа Сонечки: *опускаясь в тревожные бездны подозрительного Достоевского, то выныривая в тенистые аллеи Тургенева и провинциальные усадебки, согретые беспринципной и щедрой любовью почему-то второсортного Лескова - când coborând în abisurile neliniştitoare ale firii bănuitoare a lui Dostoievski, când plutind pe aleile umbroase ale lui Turgheniev sau prin conacele de provincie scăldate în iubirea generoasă şi lipsită de scrupule a unui Leskov, pe care nu se ştie de ce îl socotea de mâna a doua.*

Еще одна пространная цитата из повести, пронизанная интертекстуальностью, понимание которой требует от читателя и эрудиции, и т.н. фоновых знаний: культуры, истории, сведений в литературе и искусстве, элементарной начитанности: *А безмятежная душа Сонечки, закутанная в кокон из тысяч прочитанных томов, забаюканная дымчатым рокотом греческих мифов, гипнотически-резкими звуками флейты Средневековья, туманной ветреной тоской Ибсена, подробнейшей тягомотиной Бальзака, астральной музыкой Данте, сиреническим пением острых голосов Рильке и Новалиса, обольщенная нравоучительным, направленным в сердце самого неба отчаяньем великих русских, – безмятежная душа Сонечки не узнавала своей великой минуты - Dar inima netulburată a Soniecikăi, învelită în coconul miilor de tomuri citite, legănată de murmurul învăluit în fum al miturilor greceşti, de sunetele de flaut pătrunzătoare şi hipnotice ale Evului Mediu, de tristeţea plină de ceaţă şi de vânt a lui Ibsen, de povara amănuntelor lui Balzac, de muzica astrală a lui Dante, de cântecul subţire de sirenă al lui Rilke şi Novalis, copleşită de deznădejdea îndreptată moralizator către inima cerului de marii ruşi – sufletul senin al Soniecikăi, deci, nu înţelegea că venise clipa cea mare.* И, хотя это сложно, учитывая различный синтаксический строй сопоставляемых языков, она находит возможность передать русское словосочетание одним румынским словом: *инструментальная мастерская – sculărie*.

Но в целом, именно из-за этой особенности: синтаксического строя русского языка, позволяющего соединять целые словосочетания в сложные слова, аналитический строй румынского языка очень часто «теряет» смысловые оттенки этих слов, коннотацию, которой они обладают по замыслу автора. Примеров таких много, приведем лишь некоторые из них: *Старший брат Ефрем, домашний острослов - Fratele ei mai mare, Efrem, hâtrul familiei* (*острослов* – острый на слово, можно

было перевести другими словами: *mucalit, șugubăț, comic* или же выражениями: *iute la limbă, bun de gură*); *жестокосердного героя Витьки Старостина - pe eroul fără suflet Vitka Starostin нос ее был действительно грушевидно-расплывчатым - nasul ei semăna într-a-devăr cu o pară fără contur precis; мыслящие руки его разноплеменных предшественников - mâinile iscusite ale înaintaşilor lui de diferite neamuri; Он был ростом мал, остро-худ и серо-сед - Era mic de statură, slab, ascuțit, cu părul aproape cărunt; свет синей лампы из простуженного детства - lumina lămpii albastre din vremea răcelilor copilăriei.*

Однако эти «нестыковки» перевода не умаляют ценность труда переводчика, который сумела сделать главное: донести до румыноговорящего читателя суть повести, обрисовать образы, осветить важные социальные, философские, нравственные проблемы.

ВЫВОДЫ

Анализируя перевод повести «Сонечка» Л.Улицкой с позиций лингвистики и теории перевода можно отметить, что перевод Габриэллы Руссо, хотя и содержит некоторые вольные интерпретации, тем не менее, является сбалансированным с точки зрения точности передачи образного ряда, философского смысла и стилистической тональности оригинала. С точки зрения теории перевода, это пример динамической эквивалентности, где целью переводчика является передача общего смысла, эмоциональности и глубины оригинала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Комиссаров, В.Н. Лингвистика перевода. М., 1980. – 176 с. (с. 59–100)
2. Казакова, Т. А. Художественный перевод: Учебное пособие. – СП, 2002. - 112 с. (стр. 5)
3. Велединская, С. Б. Курс общей теории перевода: учебное пособие. Т., 2010. С. 230. (стр. 105-106)
4. Габриэлян, Н. М. Взгляд на женскую прозу. Преображение (Русский феминистский журнал). М., 1993. №1 – с. 102-108.
5. Золотоносов, М. Победа женского и закат мужского. /М.Золотоносов // (Электронный ресурс). Режим доступа: http://www. idelo. ru/210/11/html
6. Абашева, М.П., Воробьева, Н.В. Русская женская проза на рубеже XX–XXI веков. М.П., Абашева, Н.В., Воробьева – Пермь: ПОНИЦАА,2007.
7. Садовникова Т.В. «Вечная» Сонечка. (О поэтике повести Л. Улицкой «Сонечка»). Филологический класс. 2007
8. Улицкая, Л. Сонечка. Москва, журнал «Новый мир» (№11). 1992 г.
9. Uliţkfia L. Soniecika, (trad. Gabriela Russo). București, Humanitas, 2004.